

Женщина его мечты

повесть о любви

18+

Александр Гронский

Александр Гронский
Женщина его мечты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гронский А. Г.

Женщина его мечты / А. Г. Гронский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Эта любовная история о женщине, которая унаследовала удивительные способности и о весьма заурядном мужчине, который встретился на ее пути.

© Гронский А. Г., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

*«Ты! Бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолубивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.»*

М.Лермонтов. «Маскарад»

Часть первая

Вот так живешь много лет с женщиной, которая казалась тебе когда-то самой лучшей, самой желанной и чьей любви ты добивался в юности ценой безумных подвигов и бесконечных глупостей. И вдруг вся еда, которую она готовит, становится невкусной. Любые ее слова раздражают, а малейшие придирки готовы вывести из себя. Не остается общих интересов, нет больше общих тем для приятных душевных разговоров по ночам. Я уж не говорю про постель. Это не постель – это кладбище! А ведь с женой иногда еще положено и спать. Но от ее храпа ты готов застрелиться прямо сию секунду. И у тебя нет ни малейшего желания прикоснуться к ней. Бесчувственное, холодное существо отдается молча раз в полгода, ни разу не вскрикнув от любви и экстаза, практически не целуя тебя в губы. Да и сам ты не больно-то стремишься ее поцеловать, потому что боишься невзначай почувствовать дурной запах изо рта. Особенно утром. Конечно, ты никогда не скажешь этой женщине: пойдём со мной в рай, будем ходить голыми и наслаждаться мудростью Создателя. Она же поднимет тебя на смех и скажет: как так можно? Зачем ходить голой в рай, если для нее тело и сексуальная жизнь – ненужное, бессмысленное излишество. Она прекрасно живет без эротики, словно закутанная в сто одежек матрешка. Ты с удивлением подумаешь про себя – как тебя угораздило жениться на этом странном бесполом и бесчувственном существе? Какое она имеет отношение к твоей жизни? Но дело уже сделано, давно растут дети, и ты вынужден тянуть ляжку, изображая благородного отца семейства. От тоски попытаешься сбежать на зимнюю рыбалку, чтобы окончательно отморозить яйца, или попрешься в глухую тайгу на охоту (кому что больше нравится). Но после того как несколько раз провалишься под лед или тебя едва не сожрут одуревшие с голодухи волки, ты вернешься домой и все равно не будешь знать, о чем с ней поговорить. От дикой усталости и неудовлетворенности опрокинешь на кухне стакан гнусной водки, даже не закусывая. При чем сделаешь это, как обычно, молча, лишь бы она не успела начать о чем-нибудь расспрашивать. Но, на самом деле, ей давно безразличны твои приключения, а волнует лишь твоя зарплата. И только она еще способна хоть как-то ее возбуждать. Поэтому по привычке включишь телевизор и будешь пялиться с выпученными глазами, словно даун на обложку порножурнала, а затем тихо заснешь под вечерние новости, будто только что выпил снотворного. Утром проснешься, когда от ее храпа будут дребезжать оконные стекла в доме напротив и подумаешь про себя: «и зачем мне такое существование? Нужно хоть что-то изменить в этой гребаной жизни!»

Душа на секунду воспарит, окрыленная надеждой, но очень скоро сознание собственного бессилия и угнетающее понимание, что в действительности ничего изменить нельзя – вернет тебя на землю. Ведь ты и сам ничем не лучше. А может, даже и хуже. Ты уже давно не Аллен Делон и не Брюс Уиллис. У тебя хронический геморрой, плоскостопие и наверняка ты сам точно также храпишь ночью, только не замечаешь этого, как и многих других более существенных недостатков. Эта мысль охладит революционный запал и все начнется по новой. Точнее, все останется по старому...

«И зачем только люди женятся?» – думал Юрий Геннадиевич Ласкутков, с тоской слушая храп своей жены. С таким скрипом и скрежетом настраиваются в оркестровой яме сорок инструментов, прежде чем появится демоноподобный дирижер, взмахнет волшебной палочкой и заставит изливаться чудесную музыку.

«Просто молодые люди в двадцать пять лет еще не знают, что им предстоит вместе пережить, – думал дальше Юрий Геннадиевич, глядя на куриный профиль жены.

«Сначала жизнь кажется бесконечным подарком и праздником. И мало кто верит, что впереди не только радостные минуты зачатия детей, но и постепенное старение, неизбежные болезни, измены и неминуемая смерть когда-то любимого человека».

И тут, Юрий Геннадиевич впервые отчетливо понял, что хочет ее смерти. Нет, он отнюдь не ужаснулся при этом. Разве мы ужасаемся, когда видим на кухне труп ощипанной курицы для супа? Нет, мы равнодушно окунаем его в горячую воду и добавляем для вкуса разных специй. Юрий Геннадиевич посмотрел на сморщенное горло жены и представил, с каким удовольствием задушил бы ее прямо сейчас. Зинаида Трофимовна, словно почувствовав неладное, перевернулась со спины на правый бок, перестала оглушительно храпеть и только на выдохе стала протяжно чуть-чуть посвистывать на высокой ноте.

«Слава тебе, Господи! – подумал Юрий Геннадиевич, – отвел от греха, уберег мою душу!» Теперь ему казалось, он понимал, почему Лев Толстой на старости лет бросил Софью Андреевну и ушел из дома. Наверное, чтобы не убить ее. Конечно, Юрий Геннадиевич не знал многих подробностей, например таких – спал ли Лев Николаевич с Софьей Андреевной в одной постели, или они спали раздельно, но почему-то сейчас ему показалось, что решающей причиной ухода великого старца, оказался банальный храп жены.

Юрий Геннадиевич был еще относительно молод, по сравнению с Толстым. Осенью ему должно было стукнуть только шестьдесят. Но в душе он чувствовал себя по-прежнему молодым и никто из ближайшего окружения не дал бы ему больше сорока девяти, ну, максимум пятидесяти лет. Ласкутков потянулся. Позвонки предательски хрустнули, когда он присел на кровати. Долго шарил ногой, нащупывая в полумраке домашние тапки, но нашел только одну и поэтому еще более огорченный отправился в туалет босиком. Юрий Геннадиевич по привычке включил кран на полную мощность, чтобы за шумом воды Зинаида Трофимовна не услышала, как он справляет малую нужду и издает разные непотребные звуки.

Какой-то умник сказал, что с возрастом человек становится лучше, – подумал про себя Ласкутков, – но это полная чушь! Как может ворчливое, занудное существо становиться с годами лучше, если оно неизбежно становится только хуже? Боль в коленных суставах и неприятная резь при мочеиспускании, выпадение волос и дурное пищеварение, пошаливающее сердце и одышка – и еще кто-то смеет утверждать, что от всего этого ты становишься лучше? Как может быть лучше надвигающаяся старость утраченной молодости? Никак!

Ласкутков спустил воду и посмотрел на себя в зеркало. Перед ним стоял унылый, затюканный жизнью и небритый пожилой мужчина, с мешками под глазами и бурной растительностью в носу. Ласкутков взял щипчики и стал выдергивать волоски. От этого неприятного занятия у него навернулись слезы, превращая лицо Юрия Геннадиевича в жалкое зрелище. А ведь еще каких-то десять-пятнадцать лет тому назад, его лицо и умные проникновенные глаза будоражили многих женщин.

Нет, он никогда не был особым красавцем, просто умел обходительными манерами и тонкой ненавязчивой лестью внушать женщинам любовь. И, что поделать, иногда ему приходилось некоторых из них слегка ранить. Особенно, когда отправлялся в заслуженный отпуск в чудесный город Сочи. С тех пор, как Зинаида заявила, что ей надоело стирать для него вонючие носки и рубашки, а также три раза в день готовить еду, он решил, что впредь они будут проводить отпуск исключительно раздельно. Летом Зинаида уезжала с детьми жить в деревню, а Юрий Геннадиевич брал билет на самолет и летел на неделю дикарем в город «сладких ночей». Еще в аэропорту, а затем в самолете, он начинал умело мониторить попутчиц и через пару часов, когда на пляже разглядывал загорелые женские попки сквозь солнцезащитные стекла очков, его записная книжка буквально ломилась от свежих женских имен и телефонов. Да, Юрий Геннадиевич был ловелас и, если хотите, дамский угодник. И в этом Ласкутков не видел никакого противоречия природе. Ведь мужчина так устроен, что его всегда тянет на покорение новых вершин. Тем более, когда вершины сами хотят поскорее сдаться. Ведь для чего люди приезжают в Сочи? – рассуждал про себя Юрий Геннадиевич, – для того чтобы позагорать на пляже, покупаться в море и насладиться прелестями мимолетного курортного романа. Самое главное – не брать в голову глупый дамский бред, а изящно овладев очередной незнакомкой,

постараться забыть ее через неделю и вернуться домой к жене и детям примерным семьянином. Так и было уже неоднократно, поскольку Юрий Геннадиевич взял себе за правило ездить в город бессонных ночей с 37 лет. И каждый раз все происходило практически по одному и тому же сценарию. Юрий Геннадьевич из спортивного интереса знакомился с какой-нибудь одинокой барышней, включал свое обаяние и обходительность, водил пару раз в ресторан, рассказывал смешные истории и иногда даже читал вслух стихи. Как правило, после стихов все случалось само собой. Но с некоторого времени легкие победы и однообразие стали тяготить нашего героя. Из трех или четырех десятков соблазненных женщин, он с трудом мог вспомнить имена только двух. Может, виной тому были возрастные изменения и естественное ослабление памяти? Но мимолетные связи уже не приносили радости, поскольку не оставляли в душе ничего, кроме опустошенности и неуловимой грусти, а Юрию Геннадьевичу, помимо секса, вдруг захотелось еще и душевности, то есть настоящей любви...

В свой четвертый заезд, когда Юрию Геннадиевичу исполнилось уже сорок, он случайно познакомился на сочинском пляже с милой женщиной, которая была не одна. Это было абсолютно против правил, поскольку он старался не осложнять себе жизнь и никогда не знакомился с замужними или уже занятыми женщинами. Но в этот раз рядом с ним на пляже расположилась пара, на которую он не мог не обратить внимание.

Спутником женщины был самодовольный грузный москвич лет пятидесяти, с волосатыми ногами и еще более волосатой спиной. Он был также обладателем глобусообразной солидной мозоли в районе живота, какой обычно обладают преуспевающие московские чиновники. Наблюдая за ним через затемненные стекла модных очков, Юрий Геннадиевич не мог не отметить превосходства своего телосложения. Толстяк с упоением рассказывал спутнице о московских связях, тем самым пытаясь произвести на нее неизгладимое впечатление. Юрий Геннадиевич в глубине души не любил москвичей. Наверное, за их ничем не объяснимый снобизм. Сам он был родом из глубокой провинции, и ему особенно не нравилось, как нагло вели себя москвичи за рулем, когда попадались ему на дороге.

Через некоторое время москвич ушел купаться, и у Юрия Геннадиевича появилась чудесная возможность более внимательно разглядеть его спутницу. Темно-синий сплошной купальник обтягивал ее сильные бедра, а Юрию Геннадиевичу уже не терпелось разглядеть, какая у нее грудь. Но это пока ему не удавалось, поскольку незнакомка лежала на правом боку и к нему спиной. Тогда Юрий Геннадиевич встал, и, делая вид, что собирается загорать стоя, устремил свой взгляд через плечо женщины в разрез между двумя чудесными полушариями. Увиденная картина взбудоражила его богатую фантазию и утомленные длительным воздержанием чресла. Эту грудь скрыть было невозможно никаким закрытым купальником, особенно если наблюдать ее сверху.

Ласкутков из личного опыта знал, что бюст почти всегда безошибочно характеризует сексуальный темперамент женщины. Его многочисленные малогрудые знакомые, как, впрочем, и жена Зинаида, были не очень чувственны, крайне неизобретательны и абсолютно невыразительны в сексе. Поэтому он предпочитал знакомиться на стороне с пышногрудыми женщинами.

Раньше Юрий Геннадиевич не придавал этому особого значения, но сейчас ему стало многое понятно в сущности женской природы. Например, почему многие стремятся засадить себе в грудь силикон. Таким образом они хотят обмануть мужчин, будто являются более сексуальными, чем есть на самом деле. Но женщина, которая лежала перед ним, не выпячивала чудесную грудь на всеобщее обозрение пляжных зевак, а напротив, как бы скрывала ее за сплошным купальником из плотной темно-синей ткани. Юрий Геннадиевич набрался наглости и опустил взгляд на ее ноги, обратив внимание на вполне ухоженные пальчики и нежные розовые пяточки, после чего у него возникло невероятное желание непременно сейчас же увидеть ее лицо. Но она по-прежнему лежала на боку, отвернувшись в сторону. Тогда он стал разглядывать все, что находилось рядом или имело отношение к ней. Он увидел легкие шле-

панцы 38-го размера, пакет с полотенцами, свернутое легкое платье и открытую белую дамскую сумочку, внутри которой Юрий Геннадиевич углядел колоду карт. «Может, она заезжая гастролерша и обыгрывает лохов в карты,» – подумал Лоскутков, но тут же отверг эту мысль как маловероятную.

– Вы мне не погадаете? – неожиданно для себя спросил он незнакомку.

Но женщина не обратила внимания на его слова или сделала вид, что не обратила. Она по-прежнему неподвижно лежала, изящно подставив изогнутые бедра солнцу, и в ее позе была полнейшая безмятежность.

– Извините, м-м-м... послушайте... – снова начал Юрий Геннадиевич, – вы не могли бы мне погадать?

Но и на этот раз его никто не услышал. Женщина с невозмутимым видом проигнорировала его. Юрий Геннадиевич печально вздохнул, еще немного помялся и, решив, что отступить некуда, начал еще раз: – Извините, будьте любезны, не могли бы вы мне погадать, а то...

В этот момент женщина слегка вздрогнула, будто ее укусил комарик, и повернула голову. Она слегка приспустила темные очки, и их взгляды встретились.

– А то что? – переспросила она, пронизательно глядя в самое нутро Юрия Геннадиевича.

Этот взгляд – сочные белки глаз, слегка увеличенные, будто спелые вишни, зрачки – просверлил ему все внутренности и окончательно добил бедного Юрия Геннадиевича. Не совсем понимая, что говорит, он вдруг выпалил: – а то очень хочется знать, что ждет меня впереди...

– То есть, вы хотите, чтобы я сказала, когда вы умрете? – переспросила незнакомка.

Этот вопрос настолько ошарашил Юрия Геннадиевича, что он немного ступешался. Вообще-то он не собирался пока умирать, а хотел прожить долгую и счастливую жизнь. Но даже если и предстояло в конце концов умереть, то он предпочел бы об этом ничего не знать, а умереть быстро и легко, чтобы совершенно не чувствовать боли. А еще лучше было бы умереть в одночасье и во сне, никому не причиняя особых неудобств. Но поставленный ребром вопрос о продолжительности его жизни, не оставил, естественно, Юрия Геннадиевича равнодушным.

– А вы это можете? – недоверчиво переспросил он.

– Конечно, – ответила незнакомка. – Но я думаю, что вам это будет не очень приятно узнать. Лучше я скажу, как вас зовут. Хотите?

– Да. Ну и как? – он смотрел, не отрываясь, в ее глаза и почему-то боялся моргнуть.

– Вас зовут Юрий. Вам не больше сорока лет. В детстве болели желтухой и у вас легкая почечная недостаточность. Ваше сердце работает с небольшими сбоями, и если вы не будете его беречь, на следующий год вас ожидают серьезные проблемы. Еще мне кажется, что у вас в молодости была травма колена и у вас болят суставы. Что еще вы хотите узнать?

Лоскутков стоял с глупым видом, будто попал на шоу ловкого иллюзиониста и не мог разгадать, в чем секрет его успеха.

– А как вас зовут? – наконец он сообразил, о чем спросить.

– Меня зовут Дарья Сергеевна, – ответила женщина, – фамилия моя – Черткова.

В этот момент из моря появился толстый москвич. Он шел вальяжной походкой и не скрывал свое крайнее неудовольствие.

– Ну вот, стоило отойти на минуту, как ты уже познакомилась с первым встречным, – буркнул он.

Юрий Геннадиевич виновато заулыбался, давая всем видом понять, что не хотел ничего плохого, однако Дарья Сергеевна нисколько не смутилась и с легкой насмешкой ответила:

– Уважаемый, он такой же первый встречный, как и вы. А потом, я не помню, чтобы мы с вами переходили на «ты».

Москвич словно наткнулся на непреодолимую преграду и остановился в нерешительности, не зная, что предпринять дальше. А Дарья Сергеевна продолжила:

– Юрий, не уходите, мне с вами будет интереснее, чем с Николаем Николаевичем, у которого четверо детей от трех браков, молодая любовница в Москве, запущенная язва желудка и скоро будут очень серьезные проблемы на работе, из-за того что он частенько злоупотребляет служебным положением.

– С чего вы решили, что у меня будут проблемы? – побагровел Николай Николаевич.

– С того, что я сама выбираю, с кем проводить время, – со строгостью учительницы начальных классов ответила Дарья Сергеевна.

Возникла неприятная заминка. Николай Николаевич, познакомившийся с Дарьей Сергеевной всего несколько часов назад во время прогулки по сочинскому парку, понял, что его грубо отшили. Тем не менее, он был необычайно озадачен ее словами, потому что насчет количества своих детей и любовницы в Москве, он ничего, разумеется, ей не рассказывал. И уж тем более он ничего не рассказывал, что берет иногда взятки со своих многочисленных просителей, поскольку смертельно боялся, что рано или поздно, его обязательно кто-нибудь заложит, арестуют и посадят в тюрьму.

Дарья Сергеевна словно прочитала его мысли и сказала:

– Я презираю мужчин, которые всегда лгут.

Она поднялась с пляжной кушетки, и Юрий Геннадиевич наконец-то смог разглядеть ее ладную фигуру в полный рост. Дарья Сергеевна была не очень высокой, но чудо как хорошо сложенной. Роскошный бюст и округлые бедра еще более подогрели воображение Юрия Геннадиевича. Он глубоко вздохнул и непроизвольно сглотнул слюну. На вид ей было не больше тридцати пяти. Юрию Геннадиевичу самонадеянно казалось, что он безошибочно умеет определять возраст женщин по предательскому состоянию кожи шеи и рук. Но на этот раз он ошибся. Дарье Сергеевне было уже давно не тридцать пять.

Она почувствовала, что ее слишком пристально и бесцеремонно разглядывают, демонстративно собрала свои вещи и, прежде чем уйти, сказала, обращаясь к Юрию Геннадиевичу:

– Если хотите, идемте со мной. Или вам интереснее с ним? До свидания!

Она опоясала бедра прозрачной косынкой и пошла по горячей гальке вдоль линии моря. Юрий Геннадиевич смотрел ей вслед и испытывал неприятную тоску, оттого что сейчас нужно было срочно что-то предпринять. Следовало или решительно пойти вслед за ней, или дальше как-то улаживать отношения с наглым москвичом... Он немного помялся на месте, но так и не нашел в себе силы характера открыто выразить свою волю и предпочел остаться.

– Поверьте, я не хотел причинить вам неудобства, – начал, было, он примирительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.